

В 30-е ГОДЫ популярность **Михаила Зощенко** была неопишущей. Однажды ему пришлось прожить в Крыму, на курорте, целый месяц инкогнито, под прикрытием фамилии **Бондаревич**, спасаясь от докучливых поклонников обоего пола. Было обнаружено пять или шесть самозванцев, которые на разных курортах выдавали себя за **Зощенко** и получали от этого изрядные выгоды. Один из «**Зощенко**» на волжском пароходе покорил сердце какой-то провинциальной девицы, которая через несколько месяцев предъявила свои претензии к **Михаилу Михайловичу** и долго преследовала его

в Ленинграде. И вас? Дорогой мой. Ваш **Мих. Зощенко**. 27.III.30 г.

Сейчас позвонили...

Вашу «беседу» запретила цензура. Еще не знаю, в чем дело. Наверное, отстоят. Есть шансы. Докатались.

Ваш **Мих.**

Ленинград, ул. Чайковского, 75, кв. 5».

Это письмо написано за 10 лет до гибели **Вс. Мейерхольда** и за 16 лет до гражданской казни **М. Зощенко**. Писатель — сатирик еще мило шутит. Однако гроза приближалась.

● ГОВОРЯЩИЕ АРХИВЫ

Моск. комсо-1991-изобрет
models

«ВОССЛАВИМ ЦАРСТВО ЧУМЫ»

грозными письмами. Лишь после того как **Зощенко** послал ей свою фотокартонку, она убедилась, что герой ее волжского романа — не он.

Какой он был? Письма к друзьям рисуют личность доброго интеллигента.

Письмо **М. Зощенко** к **Ю. Олеши**.

«Дорогой Юрочка, милый мой, я получил ваше письмо, за что вам премного благодарен.

Я без вас тут прямо соскучился в нашем туманном Ленинграде!

На днях получил письмо от **Райх** и **Мейерхольда**. Они настоящие люди. А Зиночка так мило и умно написала, что я прямо диву дался. Эта мадам еще не разгадана.

И Мастер мило написал. Другой бы на его месте закричал, затопал бы ногами, зачем пристаю со своей пьеской перед отъездом (**Мейерхольд** собирался за границу отдохнуть и лечиться. — **М. Г.**), а он так сердечно написал. Я их горячо полюбил.

Я вам хотел было послать спешное письмо с просьбой на прощание поцеловать Мастера (его желтую щеку), да так и не послал. А-а, думая.

Хотел было поехать в Москву, попрощаться с ними и поглядеть вас, но тоже отложил — худо себя чувствую до невозможности — еле волочу свои ноги. Шумная жизнь мне вышла положительно боком. По вашей милости, мой дорогой друг. Но вместе с вашим отъездом я забросил все свои светские привычки.

...Юрочка, относительно денег не извольте беспокоиться. Должок небольшой. Пожужу описывать ваше имущество. Нет, право, Юрочка, что за разговоры, это самое последнее дело — отдадите, когда засияют на вас золотые штаны с бриллиантовыми пуговицами.

...А самому мне худо до стельки. И даже хотел было поехать с Мастером — «помереть нищим на камнях Европы». Это чертовское место в вашей пьесе я только сейчас оценил по-настоящему (**Мейерхольд** поставил пьесу **Ю. Олеши** «Список благодетелей» в 1931 году. — **М. Г.**)

Прощайте, дорогой мой. Целую вас. Приветствуйте, пожалуйста, вашу жену. И нашего коня с его авангардом. Жду его

Сохранилась стенограмма заседания Президиума ССП совместно с членами Правления от 4.IX.1946 года, посвященного восхвалению и ликованию по поводу постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград».

Наибольший интерес, на мой взгляд, представляет выступление **Вс. Вишневского**. Рукопись из фонда **Вишневского**, хранящаяся в ЦГАЛИ.

«...Я вижу перед собой встречу девятого числа. Мы не знали, что мы встретимся с товарищем Сталиным. Нас предупредили, что будет Оргбюро, вопрос о ленинградских журналах, вопросы театральные, вопросы репертуара, еще 2—3 вопроса и т. д.

Ровно в восемь заседание началось на 5-м этаже в Мраморном зале, в том историческом зале, где товарищ Сталин встречался не раз с литераторами. Ровно в восемь пришел товарищ Сталин. Он был не в военной форме. Он, по-моему, подчеркнул этим традицию, что он разговаривает с интеллигенцией, с представителями искусства. Затем четыре часа подряд большая духовная инициатива разговора была в его руках. Он не выключался из беседы, как выключается иногда, а в течение 4 часов он был в курсе разговора. Он бросал много реплик. Я по своей привычке все записывал...

Сначала несколько его реплик — о зощенковском рассказе «Приключения обезьяны» (рассказ вызвал особую ярость вождя. — **М. Г.**).

«Рассказ ничего ни уму ни сердцу не дает. Был хороший журнал «Звезда». Зачем теперь даете место балагану? Простите, что я вас прерывал».

Кстати сказать, форма вежливости была подчеркнута.

Затем относительно **Зощенко**.

Несколько раз товарищ Сталин говорил:

— Человек войны не заметил. Накала войны не заметил. Он ни одного слова не сказал на эту тему.

...А **Анна Ахматова**? Что у **Анны Ахматовой** можно найти? Одно, два, три стихотворения.

Была сделана ссылка на «Знамя».

Прокофьев сказал, что есть недостатки и в других журналах, что надо заняться.

Товарищ Сталин сказал:

— Знаю.

Товарищ Сталин сказал:

— Журналы не могут быть аполитичными. Некоторые думают, что политика — дело правительства, а нам — литераторам — надо только писать хорошо. А есть такие, которые отравляют молодежь. В этом у нас получается расхождение с литераторами. Почему я недолюбливаю **Зощенко**? **Зощенко** — проповедник безыдейности, терпеть его на руководящих постах нельзя. И советский народ не потерпит, чтобы отравляли сознание молодежи. А многие из наших редакторов — люди такие...

...Вот одна из ключевых фраз:

— Разве **Ахматова** справится с воспитанием молодого поколения? Нет. Нам нужны редакторы, которые не боятся сказать правду в лицо. Воспитание молодежи в ленинском духе — это самое главное.

Здесь он переходит к теме о **Зощенко**. Он касался этой темы в ряде мест:

— Не обществу перестраиваться по **Зощенко**, а ему надо перестраиваться, а не перестроится, пускай убирается к чертям.

Постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» было опубликовано 14 августа 1946 года. А 10 августа того же года в газете «Культура и жизнь» была опубликована статья **Вс. Вишневского** «Вредный рассказ **Мих. Зощенко**». Речь шла о рассказе **Михаила Михайловича** «Приключения обезьяны». **Вс. Вишневский**, в частности, писал: «Сейчас середина 1946 года. **Мих. Зощенко** по-прежнему едет по заезженным колям. Он отстал от жизни, он повторяет сам себя... Общая концепция рассказа сводится к тому, что обезьяне в обществе людей плохо и скучно. В одном из «рассуждений» обезьяны, то есть рассуждений, сделанных **Зощенко** за обезьяну, прямо говорится, что жить в клетке, то есть подальше от людей, лучше, чем в среде людей».

Как ко всему этому относился сам **Зощенко**? Страдал, переживал, медленно угасал. Да, наверное, все это было. Но и продолжал работать. Об этом свидетельствует письмо, написанное им 12 июня 1949 года **Н. П. Акимову**.

«Дорогой Николай Павлович!

Шварц сообщил мне (с Ваших слов), что **Пименов** не получил мою комедию, посланную ему почтой. Комедию я послал 7 мая, и передо мной расписка. Не получить комедию Комитет не мог.

Одно из двух — либо секретарь не передал **Пименову**, либо **Владимир Федорович** отказался от моей пьесы столь вежливым способом.

И то и другое досадно в высшей степени. Тем более досадно, что пьеса на этот раз политически правильная, я давал ее на экспертизу специалистам по вопросам, затронутым в пьесе. Препятствия и преграды оказались столь велики, что они сломили мой дух, и я не считаю более приличным просить и кланяться».

Еще осталась слабая надежда на **Симонова**, которому я недели две назад послал экземпляр комедии, но я полагаю, что и тут результатов не будет, ибо дело не в литературе, а в ситуации.

Извините, что я столь часто беспокоил Вас этой своей работой. Наивность не покидала меня за эти два года. Благодарю Вас за Вашу помощь и сочувствие.

Ваш **Мих. Зощенко**».

Истинный талант даже в атмосфере злой и бездарной травли всегда остается человечным и деликатным.

Комментарий и публикация **Михаила ГОЛЬДЕНБЕРГА**.